

Цзян Люй склонил голову, размышляя о причинах происходящего, когда звук шагов у него за спиной становился всё громче. Шаги приблизились к занавеске неподалёку, и вслед за шумом, с которым её отдернули, в комнату вошёл молодой человек лет двадцати. Он был одет в одежду цвета драгоценного сапфира, его стройная фигура и изящные черты лица излучали благородство, а сходство с Цзян Сюном, сидевшим рядом с принцессой Лиян, составляло не менее шести десятых. Молодой господин медленно подошёл и, обратившись к принцессе Лиян, которая сидела на мягком ложе и только что открыла глаза, внимательно разглядывая вошедшего, произнёс:

— Бабушка, ваш неблагодарный внук вернулся.

Увидев улыбающегося Цзян Иня, Цзян Люй почувствовал, как в его сердце поднялась какая-то необъяснимая мгла. Улыбка на его губах слегка поблекла, но взгляд не отрывался от вошедшего. Он снова окинул взглядом сидящих по другую сторону госпожу Чжэнь и госпожу Му, задумчиво наблюдая за их выражениями.

Госпожа Чжэнь выглядела чрезвычайно обрадованной, а госпожа Му... казалась ещё более испуганной.

Цзян Инь, поклонившись принцессе Лиян, тут же повернулся к князю Цзян Сюну, сидевшему у ложа, и к госпоже Чжэнь, которая с трудом сдерживала себя, чтобы не встать с кресла — её лицо выражало радость. Он почтительно произнёс:

— Отец, мать, ваш неблагодарный сын вернулся с опозданием, прошу вас проявить великодушие.

— Вернулся, и это главное, — сказала принцесса Лиян, глядя на преклонившего колени старшего внука. Она была довольна тем, что он сразу же поклонился ей, и, опустив чётки, поманила его рукой, смягчив голос:

— Подойди, дай бабушке рассмотреть тебя.

Цзян Инь, услышав это, почтительно подполз на коленях ближе к ложу, склонил голову, и на его лице было выражение почтения и преданности, без тени неестественности. Он с улыбкой ответил:

— Хорошо, бабушка.

Цзян Люй, наблюдая за его поведением, чувствовал, что перед ним действительно пример внука, выросшего на коленях бабушки и проявляющего к ней безграничное почтение. Его пальцы непроизвольно сжались в рукавах, а тёмные, словно чёрный нефрит, глаза сузились.

И в тот момент, когда Цзян Люй был погружён в свои размышления, а на лице принцессы Лиян сияла любовь, сидящий рядом с суровым выражением лица Цзян Сюн внезапно заговорил:

— На этот раз ты вернулся раньше из-за своей сестры, поэтому запомни: впредь будь усерден и дисциплинирован, не доставляй отцу и сестре неприятностей. Понял?

Цзян Инь, казалось, привык к таким наставлениям отца. Он слегка повернулся и тихо ответил:

— Сынок внимает наставлениям отца.

Увидев, что Цзян Инь согласился, Цзян Сюн погладил свою бороду, и в его глазах появилось лёгкое удовлетворение. Хотя он не сразу позволил старшему сыну подняться, его лицо стало гораздо мягче, чем обычно.

Госпожа Му, сидевшая ниже госпожи Чжэнь, наблюдая за этой сценой отцовской любви между Цзян Сюном и Цзян Инем, казалось, испытывала некоторое недовольство, но на её лице не было и намёка на это. Вместо этого она улыбнулась мягкой улыбкой и, «любяще» взглянув на Цзян Иня, всё ещё стоящего на коленях, опустила голову и почтительно сказала:

— Старший молодой господин преодолел долгий путь, покрытый пылью и усталостью, и, несомненно, измотан. Я уже подготовила ужин в его честь, надеюсь, что матушка, князь и старшая сестра вместе с молодым господином почтят нас своим присутствием, чтобы он мог отдохнуть после тягот пути.

— Ты хорошо сделала, — как только она закончила, на старческом лице принцессы Лиян появилась улыбка. Она похлопала по руке Цзян Иня, лежавшей на её запястье, и тихо напомнила:

— Инь, поблагодари свою мать.

— Инь благодарит наложницу, — Цзян Инь сразу же почтительно поклонился, но в его глазах, незаметно для окружающих, промелькнула насмешка. Он улыбнулся, повернулся к госпоже Му и, поклонившись, добавил:

— В моё отсутствие мать была так хорошо ухожена, спасибо наложнице за заботу. Я всегда буду помнить об этом.

Когда слова «наложница» сорвались с его губ, лицо госпожи Му изменилось, её пальцы в рукавах задрожали, как будто она хотела тут же взорваться. Но её взгляд упал на стоящего на коленях Цзян Иня, чьё лицо так напоминало Цзян Сюна, и она, похоже, сдерживала себя, подавляя гнев, лишь стиснув зубы и отвернувшись.

Цзян Инь, увидев, что госпожа Му не реагирует на его слова благодарности, не изменил выражения лица. Он спокойно поднялся с ложа принцессы Лиян и, наконец, взглянул на стоящего в углу, всё это время молчаливого Цзян Люя, сказал мягким и дружелюбным тоном:

— Это, должно быть, мой двоюродный брат из резиденции князя Сяояо. Приветствую тебя, брат.

— Брат, не стоит церемониться, — Цзян Люй, видя, что тот кланяется ему как равному, слегка охладел в улыбке, но без колебаний ответил поклоном. Затем он выпрямился и, обратившись к принцессе Лиян, сказал:

— Бабушка, Люй только что прибыл и впервые видит брата. Его величественная манера молодого господина поразила меня, и я даже не могу подобрать слов для комплиментов.

Принцесса Лиян, всегда ценившая этикет, увидев, как её внук впервые поклонился своему двоюродному брату, а Цзян Люй без промедления ответил тем же, казалось, увидела их будущие отношения, полные взаимного уважения и дружбы. Её улыбка стала ещё шире, и она, указав на Цзян Люя, сказала Цзян Сюну:

— Послушай его слова, он умеет льстить. Надо бы прикрыть ему рот.

Цзян Люй, видя, как взгляд Цзян Сюна, вслед за принцессой Лиян, обращается к нему, почувствовал, как по его телу пробежали мурашки. Улыбка на его губах стала ещё шире, и он, обращаясь к принцессе Лиян, ответил:

— Бабушка, не говорите так, взгляните, брат всё ещё стоит и смотрит.

— Ладно, ладно, знаю, что ты умеешь говорить, — принцесса Лиян, видя, как Цзян Люй блестящими глазами не желает уступать, рассмеялась и кивнула. Затем она внезапно повернулась к стоящей молча госпоже Му, и её улыбка слегка потускнела.

— Невестка, разве ты не сказала, что ужин уже готов? Почему бы тебе не повести князя и меня вперёд? Не то время затянется, и мой драгоценный внук проголодается.

Госпожа Му, услышав эти слова принцессы Лиян, которые явно были направлены на разрядку обстановки, но при этом содержали намёк на благосклонность к Цзян Иню, лишь дрогнула веками, сдерживая гнев:

— Хорошо, матушка.

После ужина, полного скрытых мыслей, как только принцесса Лиян удалилась, оставшиеся младшие члены семьи положили палочки. Цзян Сюн, похоже, понимал, что обидел госпожу Му, и, когда та встала и направилась во двор, последовал за ней, очевидно, намереваясь провести ночь в её покоях.

Когда те двое ушли, госпожа Чжэнь, которая обычно краснела от злости и теряла самообладание, видя, как Цзян Сюн остаётся в другом дворе, на этот раз странно не изменилась в лице и не стала злобно говорить что-то за спиной. Вместо этого она быстро подошла к склонившему голову Цзян Иню и, казалось, с нетерпением начала шептать ему на ухо.

Не успела она сказать и пары слов, как Цзян Инь, заметив взгляд Цзян Люя, поднял руку, чтобы остановить её. Он улыбнулся и, поклонившись, осторожно поддержал госпожу Чжэнь, и они вдвоём направились к её двору Чжэньвэй.

Цзян Люй выпрямился, его тёмные, как чёрный нефрит, глаза в золотистом свете солнца казались ещё глубже. Он слегка помахал складным веером, и тонкие губы изогнулись в лёгкой улыбке, словно он говорил сам с собой:

— На первый взгляд, этот старший молодой господин — не простачок.

Мянь Син и Чжу Юэ, следовавшие за ним, услышав это, сначала с удивлением переглянулись, затем Чжу Юэ, собравшись с духом, подошла ближе и тихо спросила:

— Наследник, почему вы так говорите?

Цзян Люй, услышав это, обернулся и холодно взглянул на неё, в его голосе звучала странная холодность, но неясная:

— Просто при первой встрече он осмелился назвать госпожу Му, которая сейчас управляет домом, наложницей. Разве это не говорит о его смелости?